

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

VI.

Драма г. Чехова „Ивановъ“ вызвала у насъ въ Петербургѣ чрезвычайно оживленные толки не только тогда, когда она давалась на сценѣ Александринскаго театра, но также и при появленіи ея въ мартовской вышкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“.

Интересно, разумеется, ознакомиться съ центральнымъ ея сюжетомъ, независимо отъ симпатій или антипатій къ нему. Первое дѣйствіе драмы открываетъ въ судьбѣ г. Иванова тѣмъ, что родственникъ его, Маша Боркинь, въ пьяномъ видѣ мѣшаетъ Иванову читать книгу и раздражаетъ его безцѣнными проектами о легкой жизни. Съ другой стороны, домашній докторъ Львовъ—единственный порядочный человѣкъ въ уѣздѣ, да и тотъ дуракъ, по милости г. Чехова,—присваиваетъ къ г. Иванову везти же ну дѣлать въ Дрэмъ, когда у задолжавшаго всѣмъ Иванова и денегъ нѣтъ, и отсука ему не разрѣшаютъ. Ко всему этому г. Ивановъ хотя и сознаетъ, что его жена Сара „замѣчательная и необыкновенная женщина“, но считая по чему-то евреевъ въ семейной жизни психопатами, безъ всякой причины перестаетъ любить ее, а промотавшіяся графиня Шабельскій то сквернословитъ о челявчестѣй, то восклицаетъ ежеминутно: „Ушелъ-бы изъ этой ямы, отъ дарованъ любви и на ногой бы сюда до самого страшнаго суда... Хоть къ чорту въ пекло, хоть къ крокодилу въ зубы, только чтобъ не въѣсь оставаться. Мнѣ скучно! Я оторвѣлъ отъ сдука! Я надобѣлъ всѣмъ“.

Такова жизнь въ домѣ г. Иванова, а у его сосѣдей Лебедевыхъ, куда онъ ѣздитъ спасаться отъ тоски и скуки,—еще хуже: вмѣсто „здравствуй“ и „прощай“, вамъ кричатъ: „пась!“, всѣ солдаты вьзпуски и ѣздятъ другъ другу въ лицо такъ, что, по выраженію Чехова, „мухи мрутъ отъ скуки и лампы зачинають копѣть“. Однако, еслибъ Ивановъ, разлюбовавши жегу, полюбилъ другую женщину, то положеніе его было бы безвыходно, какъ всѣ подобныя драмы „второй молодости“, способныя измочить человѣка и уничтожить его. Но его сдѣланіе къ женѣ не было ослож-

нено незаконной любовью и нравственный разладъ и переутомленіе не состоятъ у него въ зависимости отъ его семейныхъ и сердечныхъ обстоятельствъ, также какъ и отъ матеріальнаго разстройства его имѣнія. Самая практическая дѣятельность г. Иванова, отличавшаяся, по его словамъ, кипучестью и чрезвычайностью, не могла быть такою, съ которой въ Россіи „некуда“ идти. Она была совѣсмѣнною характера, чѣмъ радикальная дѣятельность героевъ „Некуда“, замучившая своими противорѣчіями Лизу Бакареву и выгнавшая изъ Россіи Райверта... Въ разговорѣ съ докторомъ Львовымъ, Ивановъ откровенно рекомендуетъ ему строить жизнь „монотоннѣе“ и „по шаблону“, не воюя съ неправдой „въ одиночку“, а дожидаясь, вѣроятно, когда пистина и справедливость станутъ достояніемъ цѣлаго войска... Совѣтъ на столько благоразумный, что мы дословно повторяемъ его: „Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ ни на свинихъ чулкахъ, а выберите себѣ чтонибудь *заурядное, смирное, безъ яркихъ красокъ, безъ лютыхъ звуковъ. Вообще всю свою жизнь строите по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не вскайте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ *раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, юрчиловъ ричей...* Заприте себѣ *свою раковину* и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе“. Чѣмъ эти свои раковины хуже молчаливской „умѣренности и акуратности“...*

Ранѣе конечно, г. Ивановъ иначе смотрѣлъ на свою роль и иначе разсуждалъ о назначеніи университетски образованнаго человѣка; но все таки у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ думать, что ему слѣдовало мѣняться и разочаровываться въ своей роли. Если, не обращая вниманія на вѣдѣнную кипучесть его вѣдѣнныхъ поступковъ, мы вспомнимъ, что это тотъ российский человѣкъ болѣзнь *тупишной лѣнью*, то будетъ вполне понятно, почему за кратковременнымъ возбужденіемъ и самообманомъ, натура его сказала, наконецъ, въ томъ, что теперь ему *кажется жить не такъ, какъ всѣ, можетъ только тотъ, кто мельницы принимаетъ за враговъ или хочетъ „похвастаться передъ дѣвками“*. „Видишь-ли“, говоритъ онъ Лебедчу: „у меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во

время молотбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своей силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ инко въ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Ну, не смѣшно ли? Еще года нѣтъ, какъ я былъ здоровъ и силенъ, горячъ, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжды, умѣлъ плавать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда видѣлъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію такихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ въ будущее, глядѣлъ какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! утомился, не вѣрю, *въ бездѣлныя провожу дни и ночи*. Не слушаю ни мозги, ни руки, ни ноги“.

Такимъ образомъ, гимназія, университетъ, хозяйство, школы и проекты—аоть „мѣшки“ г. Иванова, подъ которыми онъ гнулъ и „еще года нѣтъ“, когда они казались ему легки и пріятны. Въ другомъ мѣстѣ впрочемъ, этотъ ничтожный человѣкъ смотритъ на свое прошлое, какъ на геройство, объясняя имъ свое переутомленіе. Разговаривая со старикомъ Лебедевымъ, онъ проситъ его: „Если когда нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится молодой человѣкъ, горячій, искренній, не глупый и ты увидишь, что онъ любить, ненавидѣть и вѣрить не такъ какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятирѣхъ, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ взвалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и пахнутъ жилы, то скажи ему: не сибѣи расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни; пльнѣй, возбуждайси, работай, но знай мѣру, иначе жестоко на кажетъ тебя судьба! Въ 30 лѣтъ уже настанетъ похмѣлье и ты будешь старъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнливой душой, утомленный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, будешь ты слоняться среди людей и не знать: кто ты? зачѣмъ живешь? чего хочешь? И будетъ тебѣ казаться, что любовь вздоръ, ласки праторпы, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. Ты скажи, какъ передъ тобой стоялъ тутъ человѣкъ въ

35 лѣтъ, уже изнемогшій,—разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами, как онъ сторулся со стыда, издѣвался надъ своей слабостью, какъ возмущалась въ немъ гордость и какъ глупо онъ кончилъ!”

Вся эта рѣчь, можетъ быть, и справедлива, если-бъ г. Ивановъ въ своемъ прошломъ походилъ бы на Тамарина, Олѣгина, Печорина, расходовавшихъ свою молодость на резонерство, на женщинъ и г. п. Въ этомъ случаѣ отъ неупражнения поступками мысли и воодушевленія, послѣдствія могутъ атрофироваться, какъ пре-
красно объ этомъ сказано у поэта:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ...

Въ „безплодной тоскѣ“ гаснуть не только идея, но даже „страсти огонь“. Точно также пресыщеніе, истощеніе и, главнымъ образомъ, разочарованіе связаны съ исключительнымъ поклоненіемъ женщинѣ, потому что каждая изъ нихъ, по выраженію Шекспира, — „всегдашнее не то“. Также потеря вкуса къ жизни могла развиться и у кабинетнаго ученаго, какъ, напр., Джонъ Стюартъ Милль, у котораго отецъ и друзья бентамиты систематически развивали исключительно умъ на счетъ всѣхъ прочихъ чувствъ, убѣждая его промѣнять Милльона на Шекспира на игру въ кегли и вознаграждая „борьбу съ природными чувствами“ изученіемъ философіи и пропагандою утилитарянскихъ принциповъ жизни. Кабинетная ученость Милля, лишенная поэзіи и нравственныхъ порывовъ сердца, привела его не только къ переутомленію мозга, не освѣжаемаго ощущеніями и душевными движеніями (иллюзиями), но породила временно крайне мрачный взглядъ на человеческую жизнь и собственное существованіе. „Допустимъ,—спрашивалъ онъ,—что всѣ требованія, предъявляемыя мною къ жизни, были бы исполнены, что сію же минуту осуществились бы всѣ тѣ перемѣны въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, которыя я вижу гдѣ то далеко впередъ себя, доставляли бы это мнѣ большое удовольствіе и счастье? И внутренній голосъ невольно отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ!“ И я утрачивалъ мужество, и чувствовалъ, что подобной колеблется фундаментъ, на которомъ я построилъ всю мою жизнь. До сихъ поръ все счастье моей жизни заключалось для меня въ безустаннымъ преслѣдованіи извѣстной цѣли; теперь цѣль эта утратила для меня всякую прелесть. Какой же интересъ могла представлять

для меня отнынь вся моя дѣятельность? Мнѣ казалось, что я ничего не выиграю, продолжая жизнь“. Такъ думалъ о самоубійствѣ англійскій ученый, не знавшій въ своей личной жизни ни радости, ни горя; исключительное же познаніе человеческого рола путемъ философскаго размышленія было весьма недостаточнымъ мотивомъ для привязанности къ жизни. Ивановъ, конечно, не былъ въ положеніи ученаго à la Фаустъ до знакомства съ чортомъ, также какъ и Рудановъ, которому въ николаевское время „дезуда“ было приложить свои силы. Ивановъ, на противъ, состоялъ непремѣннымъ членомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, хлебнулъ науку въ достаточной мѣрѣ, работалъ и проводилъ свои убѣжденные въ жизнь, любилъ и былъ любимъ женщинами, страдалъ и былъ счастливъ такъ, „какъ никто въ убѣдѣ“. Отчего же и каки причины сдѣлали его галлетизирующимъ пессимистомъ? Изъ собственныхъ словъ г. Иванова видно, что въ его немощи и осмѣяніи невѣріемъ общественныхъ идеаловъ виноваты исключительно общественные же мотивы: его прежнее отвращеніе къ апофеозу индивидуализма, который онъ теперь рекомендуетъ доктору Львову, и Самѣ Лебедевой, и даже ей отцу. Жизнь „по шаблону“, въ раковинѣ „свое маленькое дѣло“ внасмѣшку надъ обыкновеннымъ школяромъ, рациональнымъ хозяйствомъ, „горячими рѣчами“ и т. д.—развѣ это не рѣчь Молчалина, дополненная и видоизмѣненная, о превосходствѣ индивидуализма надъ идеями высшаго зоридка? Не говоря уже о томъ, что въ „раковинахъ“ и „сѣренъ кой жизни“ по шаблону чаще всего случаются мѣщанскія драмы и иногда не бываетъ счастья, тогда какъ у человѣка съ крупными задачами и цѣлями всегда что нибудь останется живнерадостнаго, какъ бы его ни обездоляли и ни разочаровали,—всѣ совѣты и правоченія г. Иванова на обыкновенномъ языкѣ называются „рenegатствомъ“, имѣющимъ своимъ источникомъ „душевную лѣнь“ и „гнусную меланхолію“, въ которыхъ онъ и самъ въ минуты просвѣтлѣнія признаетъ Самѣ Лебедевой. „Мое нытье, говоритъ онъ, внушаетъ тебѣ благоговѣнный страхъ; ты воображаешь, что обрѣла во мнѣ втораго Гамлета, а по моему, это моя испоконатія, со всѣми аксессуарами, можетъ служить хорошимъ матеріаломъ только для смѣха и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду надъ моимъ впривлѣняемъ, а ты—караулъ! спасать, совершать подвигъ!.. Меланхолія! Благодарная

тоска! Безотчетная скорбь! Недостаетъ еще, чтобы я стихи писалъ. Ныть, пѣть Лазари, наговѣять тоску на людей, сознавать, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржавѣлъ, отжилъ свое, что я походилъ на слабоумнаго и по уму и по этой гнусной меланхоліи—нѣтъ, слуга покорный! Молитесь на свою душевную лѣнь и видѣть въ ней нѣчто этакое превысшее не желаю. Лѣнь и есть лѣнь, слабость—слабость, другихъ названій у меня нѣтъ“. Никто его не заставляетъ молиться на „душевную лѣнь“ и „гнусную меланхолію“, но онъ существуетъ и долженъ быть отмѣченъ, какъ корень рenegатства г. Иванова и его современной философіи о томъ, что высокій общественный идеалъ и вѣра въ него преждевременно старать человѣка, превращаютъ его въ пессимиста, тогда какъ личная жизнь, съ ея мѣщанской умѣренностью и аккуратностью, сохраняетъ молодыя силы на долгіе годы. Господину Чехову слѣдуетъ поставить въ заслугу то, что онъ успѣлъ подмѣтить въ современныхъ Ивановыхъ стремленіе идеализировать свое рenegатство и душевную лѣнь философіей о томъ, что мы, русскіе люди, плохіе поставленцы и всегда отдаемъ обществу дѣлу всѣ свои лучшія силы, пока не израсходуемъ ихъ въ понепъ и не прихлопнемъ свое благородное существованіе выстрѣломъ изъ револьвера. Интереснѣе всего здѣсь то, что эта идеализация самаго обыкновеннаго рenegатства съ нытьемъ о консервахъ для молодыхъ силъ никого не возмущаетъ изъ птербуржцевъ, а большинство, со словъ г. Суворина („Нов. Вр.“ № 4649), утверждаетъ, что характеръ Иванова „сложный, основанный на внутренней работѣ мысли и что въ немъ всѣ мы чувствуемъ частіцу самихъ себя“. Весьма возможно, что г. Чеховъ замѣтилъ въ современныхъ людяхъ характеръ Иванова и мастерское воспроизведеніе этого философствующаго въ духѣ Молчалина рenegата объ умѣренности своихъ желаній—должно быть поставлено въ заслугу г. Чехову. Но можно ли утверждать, что рenegатство Иванова основано на внутренней работѣ мысли, когда онъ самъ неоднократно указываетъ на его источникъ въ душевной лѣни русскаго человѣка, прикрываясь глумливымъ разсужденіемъ о томъ, что счастье людей въ „раковинѣ“ и мѣщанской жизни „по шаблону“?

А. Фаресовъ.